

«Консилиум» по дереву. В центре — Сергей Никанорович АНИКЕЕВ.

СООТВЕТ

АНИКЕЕВЫ спокон веку были столярами.

Прадед Сергея Никаноровича у себя в Орловской губернии считался непревзойденным мастером, работал отменно, но его господин — было это еще при крепостном праве — проиграл прадеда гвардейскому ротмистру Рахманову.

Рахманов увез семью Аникеевых к себе в калужское имение, в деревню Лисинки. Малопреславского уезда, Детчинской волости. Там, кроме Аникеевых, других столяров не было. Были плотники. Рубили избы, делали кое-что из мебели, но неинтересно, не искали соответствия. По мнению Сергея Никаноровича, не имели они культуры в работе и как надо понимать дерево — не смыслили.

Заказов в деревне было мало, и главным образом из-за этого отца Сергея Никаноровича в двенадцать лет отправили в Москву, определили учиться в портные. Но сделали такой шаг необдуманно — зря, потому что столляр при всем желании быть порт-

ного. А однажды в школьные свистопляски начал конструировать деревянные велосипеды.

Он был мальчишкой, и никакие проблемы: восстановление народного металла у него не было. Но уж много хозяйства, борьба с кулачеством, он начал что-то изобретать, то, конечно «гримасы нап», и бытовые неурядицы. Потом возникли стройки пятилетки, коллективизация. «Синяя блуза» шла в авангарде искусств. Мы березы, а колеса взял от старых автомобилей. И нельзя не учитывать: часто даже. Но велосипеда так и не получила аудитория впервые познакомилась с лосем. Мать прятки отобрала, вдерзгивными проблемами именно из они ей зачем-то понадобились, завыступлений «Блузы». Ее комментатор был очень доволен и забрал Срни, трактовка идей, явлений действительности с собой в Москву ответственности осудити формировали.

Это было в 1927 году. Определенно главным образом молодежи. лись с отцом в артель «Дереводел» по изготовлению бытовой мебели. ...Ассортимент в «Дереводеле» был небогатый, работали славянские шифы, письменные столы и гладильные доски для Мосшвейпрома, но выжила качество, потому что мастера подобрались самого высокого класса.

Любили краснодеревщики за пекором вспомнить «дореволюцию», но да, кроме гладильных досок и славянских шкафов, шла мебель из ор-

шумора) пригласило трех ветеранов «Блузы» к микрофону и народный артист СССР М. И. Жаров, композитор С. А. Кац и пишущий эти строки побеседовали о синемблудной старине — причем исполнен был и марш «Блузы», и кое-какие цитаты из текстов, — то вороха писем пришли со всех концов Советского Союза: «старинки» — можно было употребить это слово и без кавычек — благодарили, вспоминали свои выступления в самодеятельных бригадах, цитировали комсомольский репертуар тех лет. Откликнулась и нынешняя молодежь: всем понравилась, всех взволновала эта передача! Пришлось даже еще одну программу «Доброго утра» посвятить откликам на нашу беседу...

Предвижу вопрос: а где же черпали этот самый репертуар на местах? А вот: «Синяя блуза» выпускала сборники, в которых печатались и тексты, и ноты, и эскизы оформления, и чертежи, и портреты деятелей «Блузы». Были, разумеется, и фото, воспроизводившие моменты спектаклей и репетиций. Там были стихи поэтов-комсомольцев и малые формы драматургии. Облик молодого человека двадцатых годов, созданный в живописи Александром Дейнекой, явственно прощупывался в набросках «синемблудных» художников (С. Юткевич, К. Зданевич, Н. Айзенберг, П. Галаджев и др.).

Эпоха, словно мощный ветер, надвигалась на нас наших усилий. Энтузиасты и поклонники «Синей блузы» росли и количественно, и качественно. Из собственного опыта знаю: куда ни приедешь, до сих пор встречаешь в домах культуры и в профсоюзных организациях, в театрах и советских органах пожилых людей, которые говорят: «А я вас помню еще по «Синей блузе», я сам в то время принимал участие у нас на заводе (в городе, в районе, в совхозе, в вузе) в агитбригаде; и сборники мы выписывали, и ваши сценки играли!». Вся страна знала «Синюю блузу», вся молодежь подражала московским бригадам. И немудрено: репертуар «Блузы» охватывал тематику международную — а в двадцатые годы была сложная обстановка. Приходилось реагировать и на акции врагов, и на революционные всплески на всех континентах... Разумеется, мы не упускали из виду многочисленные внутренние хозяйственные проблемы, борьба с кулачеством, и бытовые неурядицы. Потом возникли стройки пятилетки, коллективизация. «Синяя блуза» шла в авангарде искусств. Мы березы, а колеса взял от старых автомобилей. И нельзя не учитывать: часто даже. Но велосипеда так и не получила аудитория впервые познакомилась с лосем. Мать прятки отобрала, вдерзгивными проблемами именно из они ей зачем-то понадобились, завыступлений «Блузы». Ее комментатор был очень доволен и забрал Срни, трактовка идей, явлений действительности с собой в Москву ответственности осудити формировали.

А «Блуза» все росла и ширилась. И вот уже в Германской Республике (вспомним, что это был либеральный Веймарский период в существовании немецкого народа) возникли «Блузы». А наши коллективы поехали на гастроли в Маньчжурию, в Швецию, в Австрию...

Теперь, пожалуй, правильно будет описать выступление «Блузы», как оно разворачивалось перед зрителем — хотел было написать «перед зрительным залом», но вспомнил: очень часто не было ни зала, ни сцены, ни эстрады... А был цех завода. Или сарай, а то и гумно в деревне. Или палуба военного корабля. Или комната в учреждении, которая побольше других: письменные столы и пишмашинки, стулья и даже шкафы сдвинуты так, чтобы получился «пятачок», без которого и «Синяя блуза» не может выступать. А зрители жмутся в другом конце комнаты. И соседний кабинет обращен в кулисы. Если есть пианино, его подтаскивают к дверям в оные «кулисы». А нет — значит, бывалый баянист растягивает меха своего потертого инструмента (в те дни новых баянов почти не было: еще не наладили производство в должных масштабах)...

Звучит марш — всегда один и тот же. Известно, что запахи и музыка скорее других впечатлений вызывают в памяти события и чувства. Связанные некогда с этими раздражителями. Мне лично надо услышать только первую музыкальную фразу — «Мы синемблудники, мы профсоюзники...», — и начинается у меня волнение: сорок лет словно уходят куда-то, и я вижу этот ладный выход десяти товарищей, друзей, соратников моих... Они идут в ногу, чуть подчеркивая ритм марша; линия, по которой движутся артисты шеренгой и лицом на зрителей, — этот маршрут закруглен: того требует эстетика зрелища. Но вот артисты стали в ровный ряд и замерли. Переждали аплодисменты.

«Передовая» в живой газете нашей исполнялась тоже всем коллективом: самая важная проблема — часто международная — или значительный политический вопрос в жизни страны делались темой стихотворных строк. Их читали все десять артистов. Ритмические движения исполнителей, перемены в мизансценах сопровождали декламацию. Кстати: вот тут-то незаменимы были стихи, которые давал «Блузе» Маяковский. Но не только он один снабжал наши бригады стихотворными лозунгами и ораториями: как уже сказано, «Блуза» нужные ей строки умела находить в журналах, газетах и книгах, а также внутри своих коллективов создавала репертуар...

Один за другим незаметно уходил с площадки исполнитель оралии. И вот уже в броских гримах и с такими добавлениями к блузам, которые точно сообщают аудитории, кого теперь изображает каждый из артистов, вышли участники нового номера. Это бытовая сценка. Хорошая осведомленность автора и режиссера в подробностях жизни вызывает смех зала (условимся все-таки называть ту часть помещения, где скопились зрители, именно «залом»). Но и артисты — не последние виновники успеха сценки. В каждом коллективе «Блузы» были свои отличные комики, певцы, танцоры и гимнасты.

А сценка сыграна. И стилизованный «под деревню» — причем под старинную деревню — номер частушек одаряет публику раскатами баянных переборов, задорными голосами и потанцовками, в которых лихо стучат каблучки. Но текст частушек — отнюдь не изыскания фольклористов. Самая злободневная тематика выражена в лихих четверостишиях. И смех, аплодисменты возникают то и дело...

После частушек следует драматический этюд. Это гомеопатическая по дозировке пьеса, в которой, однако, четко поставлена социальная проблема, властно доказано значение проблемы, и сочувствие зрителей привлечено к жертве порока или несправедливости. А откуда эти пороки и несправедливости? Наследие прошлого! — внятно говорит нам содержание этюда...

В «Синей блузе» акробатические номера и фокусы тоже работали тематически. И в каждом номере участвовал, если была надобность, любой из членов бригады. Даже пианист (он

Сцены из различных спектаклей в исполнении «Синей блузы».

же баянист) произносил текст, плясал или пел. Даже администратор бригады включался в спектакль! А рабочих сцены не полагалось вовсе: сами артисты заботились о вещественном оформлении, костюмах, инструментах и прочем...

Копировать сегодня репертуар и постановочные методы «Синей блузы» было бы пелено. Но заимствовать, так сказать, алгебраически эти приемы очень и очень стоит. Впрочем, оно так и делается. В выступлениях нынешних агитбригад, в телепередачах «КВН» и некоторых «капустниках» потолковес легко угадываются элементы «живых газет» прошлого. И отнюдь не случайно «Блуза» называла себя «живой газе-

той»: у нас было чувство ответственности, прежде всего — политической. Синемблудники точно знали: что они несут в массы!..

Благодарно поминают «Синюю блузу» не только те, кто в ней участвовал, но и десятки, сотни тысяч людей, которые смотрели и слушали ее наивный и бодрый марш:

Мы синемблудники,
Мы профсоюзники,
Мы не баяны-соловьи...

Правда, сегодня — через сорок с лишним лет — звуки этой песни кажутся нам, старикам, именно соловьиной песней: это поет наша молодость, молодость нашей страны. Молодость Революции!..